

ГАЛИНА ВРУБЛЕВСКАЯ

ЕЩЕ ОДИН ШАНС

РОМАНЫ О ВРЕМЕНИ И ЛЮБВИ

Романы и сборники малой прозы

Галина Врублевская

Еще один шанс (сборник)

«Автор»

2009

Врублевская Г. В.

Еще один шанс (сборник) / Г. В. Врублевская — «Автор»,
2009 — (Романы и сборники малой прозы)

ISBN 978-5-9524-4060-9

Снова поезд, как и двадцать лет назад. Она опять едет к морю, только теперь в дорогу ее подтолкнули не мечты о любви, а растоптанные чувства. Тогда колеса несли навстречу счастью, а теперь жестоко твердят: «од-на, од-на, од-на-на-на». Она сейчас одна и в купе поезда дальнего следования. А в тот удивительный день все места были заняты, и каждый из трех попутчиков по-своему хорош. Но выбор ее оказался стремителен и безрассуден. Вот бы вернуться назад и поступить совсем по-другому... Или он не в прошлом, а в будущем, ее шанс, тот самый, единственный?

ISBN 978-5-9524-4060-9

© Врублевская Г. В., 2009

© Автор, 2009

Содержание

Первое окно (рассказы)	5
Первое окно	5
Канал Грибоедова	6
1	6
2	6
Санаторий на станции Т.	8
Леонардо	12
«Книга перемен»: мои петербургские адреса[1]	16
В круге ближнем	16
Далее – везде	21
Еще один шанс	24
Еще один шанс (повесть)	24
1	24
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Галина Владимировна Врублевская

Еще один шанс

(повести и рассказы)

Первое окно *(рассказы)*

Первое окно

Мое первое окно выходило на тихую, неприметную улицу в центре старого Петербурга. Она затерялась среди рек, каналов и парадных проспектов – и Время забыло о ней. Улица пронесла через века и архаичное название свое, и скромный облик. Там и ныне бродят призраки «маленьких людей» Достоевского.

Мы жили в мансарде, на последнем этаже. Подавшись плечами за край окна и свернув голову набок, можно было разглядеть над крышами соседних кварталов купол Исаакия. Сверкающий золотом ориентир – самый ценный дар моего окна. Однако он стал моим достоянием не сразу. Мир открывался мне постепенно.

Однажды, мне было лет шесть, я осталась дома одна. Подставив стул, я вскарабкалась на подоконник и впервые самостоятельно распахнула окно. Невский ветер ворвался в комнату, приглашая девочку к играм. Я слезла с подоконника, отыскала ножницы и настригла ворох мелких бумажек. Затем кинула в окно самодельное конфетти. Безумный ветер закружил белые лоскутики в чудном танце. Я подкидывала вверх новые порции и наслаждалась устроенным мною зрелищем.

Возмущенные голоса за спиной оборвали мой восторг. Я обернулась: на пороге комнаты стояли соседи по коммуналке и дворник тетя Катя. Она погнала меня на улицу и заставила собирать с булыжной мостовой раскиданные бумажки. Наказание не было суровым, но горькие слезы обиды терзали меня. Я отправляла белых птичек в небо, а они упали на землю.

Прошло несколько лет. И снова я оказалась наедине со своим окном. И где еще, как не у раскрытого окна, уместно раскурить первую папиросу. Я достала беломорину из дедовской пачки, пыхнула спичкой и вдохнула горьковатый дым. Голова слегка закружилась. Я крепче ухватилась за карниз, но бездна притягивала. На недавно асфальтированной мостовой так отчетливо рисовалось мое распростертое тело. Ростки писательского воображения уже играли во мне.

Скоро случайные фантазии начали складываться в осмысленный бред. Я выстроила воздушный мостик над улицей, перекинув его из своего окна в окно напротив. Там, за прозрачным тюлем, часто появлялся силуэт незнакомого мне юноши, играющего на скрипке. И, когда окно его тоже было открыто, божественные звуки волшебного инструмента вырывались на улицу. Тогда я бежала по шаткому мостику навстречу пьянящему сладкоголосью, и дворники уже не могли помешать мне.

Я выросла и уехала из комнаты, в которой осталось мое первое окно. Я больше не мусорю в общественных местах, и курить я так и не научилась, а муж мой очень далек от музыки. Но фантазии мои продолжают жить. Они заполнили белые страницы и, подхваченные неистовым Бореем, взлетели к небу. Мне хочется верить, что хотя бы одна из них взойдется над Исаакиевским собором.

Канал Грибоедова

1

Самый близкий мой друг – канал Грибоедова. Овальные звенья его решетки заметно вытянуты. Кажется, от них исходит томный, горестный вздох: «О-о-о-о!» Но чуть отводишь взгляд вдаль – и мелодия чугунных колец меняется.

Теперь бесконечно протяженная, извилистая ограда, плавно огибающая повороты, обнажившая, обещающая покой и равновесие. Никаких ухабов и потрясений. Только неожиданно открываются крутые спуски – потемневшие от времени ступени. Зов в черную бездну, откуда, возможно, нет возврата. Ах эта притягательность риска! Но страховка обеспечена: недалеко от спусков в каменные спины берегов вбиты железные кольца – «спасательные круги» для незадачливых пловцов.

Я люблю свой канал. Какие тайны хранит он в непроницаемо-сумрачной воде? Я прихожу на канал летом, когда моторные лодки бороздят его гладь. Неспешно гуляю осенью, провожая взглядом стаи желто-коричневых листьев, неторопливо плывущих к заливу. Наведываюсь зимой. Канал тихо дремлет: русло его подмерзает, но у берегов поднимается теплый пар – нетерпеливое дыхание большого города. Весной канал вновь просыпается, и в мутные воды глядятся помолодевшие старые тополя.

Снова и снова, очарованная каналом, я возвращаюсь на его берега. Не пора ли свернуть к Неве? Пройтись по набережной Мойки? Постоять у Фонтанки? Нет!

Слишком горда и самоуверенна первая река города. Ее гранит торжественно-наряден. Играя волнами, она смеется над мелководным каналом, над нищетой грибоедовских колец. Ей вторит провинциальная красавица Мойка. Накрахмаленное кружево ее решеток вызывает восхищенные взоры богатых особняков, почивающих на ее берегах. Такие господа не потерпят небрежности. Не понять им простоты канала.

Частоколом прутьев встретит меня Фонтанка. Кажется, нестигаемые вертикали ее решетки насильно затянут меня в свой ряд, чтобы не смела думать об изгибах, вздохах, надеждах. И даже ширина реки – лишь обманчивое ощущение свободы. На другом берегу – та же решетка!

Я опять возвращаюсь на канал Грибоедова. Он такой же, как я, бедный, неровный, непонятно изогнутый. Стесненный угрюмыми домами, он ненароком рассекает на части улицы и проспекты. Канал всем мешает: и машинам, и людям. Мысль о его засыпке не раз приходила в голову отцам города. Но гордый канал, накинув нарядные браслеты мостиков на узкое русло, не сдается. Его протяженность бесконечна. Из глубины веков невзрачная Кривуша течет в далекое будущее. И Петербург уже немыслим без спокойного течения зеленоватых вод.

2

И снова весна. Я опять иду с тобой вдоль канала Грибоедова, а изгибы его замысловатого русла эхом отзываются в моей памяти. Повороты, мостики, спуски – вехи моей жизни. Я больше не спотыкаюсь о булыжники мостовой: набережная канала давно закатана в прочный асфальт. Только растолстевшие за долгие годы тополя цепляются за клочки живой земли. Увы, деревья безнадежно больны. Крепкая прежде кора местами отвалилась, обнажив беззащитные стволы. Устремляю взгляд в небесную синь. Мне хорошо с тобой.

Ты почти не изменился. Лишь степеннее стал твой порывистый шаг да желто-соломенные волосы утратили золотистый блеск. Я не могу понять: ты смущен или спокойно-равнодушен?

В который раз я слышу прежние слова: «Пойми! Ты – второй человек для меня. Второй – в целом мире! Разве этого мало?» Я молчу. Как трудно найти ответ!

Вот и Львиный мостик. Прежде рыжеватые, как и ты, львы поседели. Кто выкрасил их в белый цвет? В ту далекую весну ты пересек мостик один. И каждый из нас пошел своим берегом. Но сегодня мы снова вместе. Медленно ступили на деревянный настил. Остановились посередине вздыбленного пролета. Опускаю глаза к воде. По каналу плывут последние грязно-белые льдины и зимний мусор: чья-то шляпа, страницы разорванной книги и облупленная, старая дверь. Дверь в ту жизнь, которая так и осталась для меня чужой.

Ты ждешь моего ответа? Я тихо шепчу трудные слова. Но ты не слышишь их. Ты далеко. Рядом со мной никого нет. Я одна. Всегда одна. Слова беззвучно падают вниз и растопляют рыхлую льдину.

Санаторий на станции Т.

С приходом весны наше предприятие закрыли, и я стала продавать газеты в электричках. Незаметно летели дни моей новой работы. Жизнь внутри вагонов кипела, а за окнами все было без перемен: застывшее лето. Обманчив пейзаж Карельского перешейка – сосны да ели на песчаных высотах. Но однажды я споткнулась о корзину, загородившую проход. Она была доверху наполнена черными, маслянистыми груздями, и я поняла: наступила осень.

Каждый день я проезжаю мимо станции Т. Где-то в лесу, в семи километрах от этой станции, прячется подростковый санаторий. В нем я провела лучшее лето в своей жизни, несмотря на болезнь, которая привела меня в эти места. Давно разъехалась наша смена. Напугавший меня когда-то диагноз успешно позабыт. Сейчас, спустя десятилетия, у меня хватает сил бегать по электричкам, хотя последствия болезни порой напоминают о себе. И также, невзначай, вспыхивает отраженный временем свет первой любви, пережитой в то лето.

Иногда, когда пассажиров в электричке мало и предлагать печатную продукцию некому, я с бессмысленным ожиданием смотрю на платформу, которая плывет мне навстречу. Взгляд равнодушно скользит по чужим лицам, а сознание машинально накладывает их на туманный облик из прошлого. Наперекор здравому смыслу я надеюсь увидеть мальчика, навсегда приписанного памятью к этому месту.

Каждая девчонка нашей смены мечтала попасть в его танцевальные объятия и хоть на миг присвоить вдумчивый, чуть насмешливый взгляд. Он щедро одаривал любую, великодушно приглашал всех по очереди.

Это был медленный танец без всяких изысков, без новомодных вывертов или классических па. Но в этом танце мне открылась иная сторона движений под музыку, которая стала понятна много позднее. А тогда робкое касание плеч, живота, бедер необычайного партнера пробудили в глубине меня новые, неясные импульсы.

Нынче мое тело безмолвствует. Лишь иногда заносит плечо, которое оттягивает сумка с газетами, да кольнет невзначай сердце при резком повороте.

Изо дня в день я проезжаю эту станцию. Порой нелепые фантазии уводят меня в прошлое, в благосклонное «вот если бы», но обычно работа, конфликты с контролером или конкурентами захватывают меня целиком, не оставляя времени для размышлений. И вот однажды, именно в такой суетный день, когда газеты отрывали, что называется, «с колес», я увидела впереди себя Его.

Он оказался передо мною шагах в пяти: высокий, худощавый, с коротким ежиком светлых волос. Он возник неожиданно. Поднялся со скамьи и встал в проходе, ко мне спиной, замыкая ряд пассажиров, которые собирались выйти на станции Т. Я замерла: знакомые до боли оттопыренные уши, тонкая, усыпанная веснушками шея. Юноша оглянулся на мой призыв купить газету. Мгновением раньше я поняла, сколько лет прошло с той поры. Мне ли не знать, что творит время с нашей внешностью! Однако в моей душе, на аллее памяти, среди других бесплотных фигур крепко стояла фигура русоголового мальчика.

Замечательная ошибка сознания подтолкнула меня к выходу из электрички. Я последовала за незнакомцем. Кстати, при ближайшем рассмотрении молодой человек оказался вовсе не похожим на Того. Скоро я потеряла его из виду.

Но я уже определенно знала, что путь мой лежит в санаторий. Ноги сами вели меня знакомой дорогой, хотя глаза спорили с ними. Пропавшие тропинки, вновь построенные особняки, преградившие дорогу заборы и даже глыба нового, бетонного, моста взамен старого, деревянного, слегка охладили мой пыл. Стоит ли идти дальше? Что я найду на месте двухэтажного,

шоколадно-коричневого, еще финской постройки деревянного здания: развалины, пепелище, новое типовое строение?

И все же я продолжила путь, хотя пасмурный сентябрьский день хмурился все сильнее. Затих ветер. Почти перестали скрипеть сосны. С легким треском обламывались под ногами сухие желтоватые иглы. Я почувствовала легкую усталость. Тянула к земле сумка с пачкой еще не распроданных газет. Тут же я заметила огромный еловый пенёк, потемневший от времени. Поверхность его была отполирована десятками путников до меня. Я присела.

Когда ноги перестали гудеть, вновь заговорила растревоженная память. Каждый вечер мой избранник дарил мне несколько счастливых минут, слитых с тактами незатейливых мелодий. А один раз, всего один, мы встретились с ним в старой деревянной беседке, которая прилепилась на обрывистом берегу озера. Высокие сваи, которые поддерживали беседку, выравнивая склон, и крутая лесенка, ведущая в нее, делали наше убежище похожим на избушку Бабы-яги. Зато здесь мы были скрыты от всего мира. Мы впервые встретились после танцев и, главное, после отбоя. Прохладный, влажный мрак августовской ночи окутал нас. Но скоро лунный фонарь повис над озером и слабо осветил чуть смущенное лицо принца – длинные, черные ресницы его опущенных глаз слабо вздрагивали. Казалось, ресницы эти существуют сами по себе, отдельно от бледного лица, незаметно переходящего в опушку светлых волос. Тревожное молчание разделяло нас. Вне танца мой искусный партнер был нерешителен и робок. Он неловко накрыл своей взмокшей от волнения ладонью мои холодные пальцы. Я оцепенела, напряженно выпрямив спину.

Внезапно шаткие ступени лестнички задрожали под тяжелой поступью чужих шагов, передавая дрожь всему строению. Огромная фигура санитаря, белый халат которого в лунном свете казался свинцово-серым, возникла на пороге. Мы тотчас распознали Беспалого – хранителя санаторного режима. Получивший прозвище за отсутствие трех пальцев на правой руке, суровый служитель наводил на ребят страх одним фактом своего появления. Прибитый волнами житейского моря к нашей беспокойной гавани, старый боцман и с ребятами обращался по всей строгости морского быта. Ругань, пересыпанная солеными морскими словечками, обрушилась на нас. Помнится, в своем возмущении он грозился сунуть нас «башками в галюн», видимо намекая на то, что сидеть в холоде и сырости с нашим заболеванием было не очень умно.

Возмездие грянуло незамедлительно, хотя и отличалось от обещанного старым служакой. Я получила строгое предупреждение. Мой товарищ на следующий день был выписан из санатория (возможно, срок его лечения уже подходил к концу). Он обещал навещать ко мне, но больше я его никогда не видела.

Первые упавшие с темного неба капли дождя заставили меня подняться с гостеприимного пня и продолжить путь. Чем ближе я подходила к санаторию, тем слабее и незаметнее были следы нового времени. Семь километров от станции оказались рубежом, способным сбросить прошлое. Предпоследний знак то ли перемен, то ли незыблемости бытия – невзрачные ворота при входе, а точнее, их половина: ржавый, с погнутыми прутьями каркас, висящий на одной петле покосившегося столба.

На пологой горе, за которой скрывалось озеро, белело какое-то здание. Я поднялась по тропинке, ведущей к нему. И сразу узнала двухэтажное финское строение. С помощью малярной кисти Время нанесло последний штрих, пытаясь исказить картину прошлого. Я подошла вплотную к стене, обшитой вагонкой. Под облупившейся краской – позднейшими наслоениями – проступал знакомый шоколадно-коричневый колер.

Дом выглядел как прибитый нищетой человек, который старается сохранить прежнее достоинство. Свежевыструганные дощечки аккуратными заплатами желтели на крыльце. Легкий дождь, смыв пыль, делал их еще заметнее. Явно новые рамы в окнах и отливающая серебристым блеском жемчужина на крыше подтвердили, что санаторий продолжает жить. Я обошла

здание кругом. Территория была пустынна. Поднесла к глазам часы. Ситуация прояснилась: настало время послеобеденного отдыха. Неугомонные подростки должны находиться в палатах.

Я продолжила свою печальную экскурсию. Немного изменилась планировка санаторного парка. Исчезла старая беседка, которая прежде уютилась на склоне горы, перед озером. Зато на песчаном плато, рядом с бывшей волейбольной площадкой, выстроились в ряд скамейки-качалки под одинаковыми зелеными козырьками. Сама площадка сейчас была покрыта зарослями шиповника. Какой-то высокий, но сгорбленный старик, видимо садовник, собирал в детское ведро темно-красные ягоды с колючего кустарника. Я проскользнула за его спиной и вошла в дом.

В гардеробе на крючках темнели несколько пальто. Я сложила дождевик в сумку и осмотрелась. Стул вахтера пустовал. Видно, родители в будние дни не часто навещали занедуживших подростков. Во всяком случае, никто не чинил препятствий посетителям.

Я шла знакомым коридором. Закрытые двери палат скрывали пациентов. Так было всегда. Но ударивший в нос запах показался мне чужим. В спертom воздухе коридора смешались удушливые пары хлора, пряные запахи лекарств и другие острые испарения. Неужели и в то лето мы дышали этим?

Коридор плавно перетекал в галерею. Сплошной ряд окон по обеим сторонам впускал свет и свежий воздух. Запах лечебницы ослабел. Галерея вывела меня в маленькую ротонду перед столовой – место, которое тогда по вечерам становилось танцевальным залом. Легкий дух свежей выпечки привычно наполнял пустое сейчас помещение. Я прошла по натертому паркету до середины круглого зала. Своды его, как и прежде, поддерживались в центре массивной деревянной колонной. Я прислонилась к ее теплomu шершавому боку. Защемило в груди. Где-то глубоко внутри меня неуверенно зазвучала мелодия. Оказывается, тело ничего не забыло. Мне даже не было необходимости закрывать глаза, чтобы вернуть прошлое. Ведь все в этом зале было как прежде! Даже паркет, который помнил наши плавные шаги под музыку!

Не знаю, сколько я простояла в оцепенении. Вдруг живая трель, которая вырвалась из электрического звонка, расколола усыпляющую мелодию прошлого. Это был знакомый сигнал, приглашающий ребят на полдник. Трель звонка как будто включила неторопливое шарканье войлочных тапочек, производимое десятками ног. Это было что-то новенькое! Прежде наша гвардия неслась в столовую лошадиным галопом. Шарканье между тем усилилось, и, наконец, из галереи в зал выплеснулась вереница стариков и старух. Они держали в нетвердых руках одинаковые зеленые эмалированные кружки. Некоторые старики грузно опирались на палки. Другие шли с доступной им живостью, громко переговариваясь друг с другом.

Стариков было человек двадцать – тридцать. Среди них я заметила и садовника. Он держал ведро, наполненное ягодами шиповника, и от дрожания его руки несколько кроваво-темных бусин упали на пол и покатались к колонне, у которой стояла я.

– Кого-то ищете, уважаемая? – добродушно, с легкой хрипотцой в голосе поинтересовался он, заметив постороннего человека.

Я не нашлась что ответить, все еще не понимая, что означает увиденная мною картина. Почему все они, такие немощные и старые, пришли в мой танцевальный зал? Мгновенное превращение подростков в стариков – ожившая метафора романа ужасов – подталкивало меня к истине, которой сопротивлялось сознание.

Старик между тем перехватил ведро другой рукой, и я заметила, что у него не хватает пальцев. Не дождавшись от меня ответа, он высказал новое предположение:

– А может, девушка, тоже решили бросить якорь в нашу гавань, в дом престарелых? – Старик приблизил ко мне замутненные катарактой глаза и покачал головой. – Нет, пожалуй, еще рановато. Но лет через десять добро пожаловать в этот галюн!

Я узнала Беспалого. Теперь он показался мне приветливым и на свой лад остроумным стариком. Но не это узнавание сразило меня. Беспалый, пусть по ошибке, пригласил мою особу в дом престарелых, который ныне разместился в здании юношеского санатория.

Я шла к своей юности и не заметила поворот, уводящий меня от нее.

Старый боцман не особенно ошибся в моих годах. Мне действительно пора собирать котомку в обратный путь. Я вытряхнула из сумки газеты и, опустив голову, побрела к выходу.

Леонардо

Памяти Л. А.

Однажды мне понадобилась архивная справка из института, где я проучилась несколько семестров. Прошло два десятилетия, но институт располагался на том же месте. Это оказалось удачей. Многие вузы переехали, построив новые корпуса. Я вошла внутрь здания. Как все изменилось здесь! Вахта, стены и сами студенты выглядели иначе, чем тогда.

Был перерыв между лекциями. В коридоре стоял разноголосый шум. Студенты бурлящим потоком омывали меня, как река – застрявшую посреди русла корягу. Прозвенел звонок на лекцию, и коридор вмиг опустел. Теперь я увидела, насколько он стал уже и темнее того, который сохранила моя память. Закопченные окна, идущие чередой вдоль одной стены, почти не пропускали свет: они выходили в закрытый двор какого-то предприятия.

Мимо пробежал опоздавший студент. Он подсек мой неспешный шаг и прямо перед моим носом свернул в дверь ближайшей аудитории. Я покачала головой, но обиды на летящую без оглядки юность не было. Машинально отметила его странный свитер, связанный из двух контрастных полотен: половина была белой, половина черной. И вдруг слепящая вспышка памяти озарила полутемный коридор.

Он снова стал светлым, широким и бесконечным. Я услышала позади себя торопливый перестук женских каблучков. Я не оборачивалась, но знала: за мной спешит стройная студентка с гордо откинутой головой. На макушке ее кокетливо раскачивается из стороны в сторону темно-вороной «лошадиный» хвост. Я слышала частое, прерывистое от быстрого бега дыхание девушки. Я не видела ее лица, но знала, что этой девушкой была я. Краем глаза я заметила розовый, в белый горошек воротничок ее блузки. Он наивно выглядел из темной, старомодной по моим теперешним понятиям кофты. Эту нелепую кофту я напрочь забыла. Зато розовая блузка сохранилась в моем чемодане на антресолях. Только сейчас, спустя много лет, разрозненный комплект соединился вновь.

– Пропустите меня, я тороплюсь! – не очень вежливо буркнула студентка.

Но обогнать меня она не решалась. Я посторонилась сама. И тут мы увидели его – высокого, широкоплечего парня в черно-белом свитере. Его, прозванного ребятами за разносторонние таланты именем Леонардо.

Юноша стоял, как обычно, в окружении сокурсниц. Русые пряди небрежной челкой спадали на его полудетское, смешливое лицо. В опущенной руке он держал свиток ватмана – чертеж курсового проекта. Эта картинка впечаталась в мою память, как крепко выученная теорема: и шрифт, и рамка, и место на странице учебника.

Леонардо увидел меня и приветливо кивнул:

– Хелло, Анюта! Твой курсовик почти готов. – Он помахал свитком, как гигантской дирижерской палочкой. – На, держи.

Я покраснела, но чертеж взяла. Его помощь была так неожиданна. Я провалялась два месяца в больнице, и сейчас, накануне экзаменов, у меня не было ни одного зачета. Я просила только объяснить мне пропущенную тему. Чертеж, сделанный за меня Леонардо, оказался спасательным кругом. Теперь я сдам сессию, успешно закончу первый курс. И буду дальше учиться со своими ребятами и Леонардо.

Подожли остальные студенты нашей группы, и мы гурьбой высыпали на улицу. На чистом ярко-синем майском небе всю жарило солнце – такая же редкость для Питера, как студент, посещающий все лекции. Мы шли по проезжей части, поскольку места на тротуаре для нашей компании было недостаточно. Но машины здесь почти не появлялись. Привычный маршрут нашей прогулки после занятий пролегал по маленьким, тихим улочкам старого Петербурга.

Наш смех и громкий разговор будил тишину сонных домов. Мы сами недавно проснулись от долгого детства.

Мы вышли на оживленную Театральную площадь. Здесь наши пути расходились. Каждый садился на свой автобус или трамвай и ехал домой уже один или с попутчиками. Мой дом находился здесь же, на углу площади. Последний раз я шла с ребятами этим маршрутом два месяца назад, перед тем как попала в больницу. Тогда на тротуарах еще лежал плотный коричнево-бурый снег. В тот день Леонардо проводил меня до моей парадной и в нерешительности остановился. Почему я не позвала его тогда к себе?

Сегодня Леонардо остался с ребятами на остановке. Идти дальше он явно не собирался. Я поблагодарила его еще раз за чертеж и с независимым видом, будто меня совершенно не трогало отсутствие провожатого, направилась к своему подъезду. Я чувствовала, как мой собственный перевязанный тугой резинкой хвост горделиво хлещет меня по плечам.

Наконец я вошла в свой подъезд и перестала ощущать на себе взгляды сокурсников. (Возможно, никто и не смотрел мне вслед?) Я быстро понеслась по ступеням вверх, на последний этаж. На площадке перед окном остановилась. Мой взгляд был сейчас прикован к зданию театра, у которого дожидались своего транспорта пассажиры. Почти все наши студенты уже разъехались. На остановке осталось только двое – ты и она, широкоплечая спортсменка, чемпионка курса по плаванию. Она крепко держала тебя под руку. Ты наклонился и что-то шепнул ей на ухо. Она рассмеялась. Мне казалось, что вы смеетесь надо мною. Подошел ее автобус. Раньше она уезжала на нем одна. Сегодня ты, придерживая мою соперницу под локоть, посадил ее на ступеньку автобуса. Следом поднялся сам. Двери салона захлопнулись. Автобус, выпустив клубы черного дыма, тронулся с места и скрылся за поворотом.

Когда дым рассеялся, я снова оказалась в институтском коридоре. Мне опять было почти сорок лет, и я никуда не торопилась. Моя юность – девушка с «конским» хвостом – по-прежнему была рядом, но Леонардо и другие студенты остались там, на Театральной площади. Я с грустью посмотрела в даль коридора. Тут я заметила сгорбленную фигуру старухи в темном платье. Она двигалась навстречу. На голове ее была нелепая панама, в руке ветхая сумка. Типичная городская старуха. Она шурилась, пытаясь разглядеть нас: меня и девушку в полутьме коридора. Перед ней весь мир теперь был в легких сумерках. Старуха приблизилась к нам и остановилась. Я посмотрела на ее лицо. Оно было похоже на мое, только казалось заштрихованным рукой неразумного шалуна. Нет, такой старой я никогда не буду!

Старуха остановилась рядом с нами и положила на подоконник мешковатую, бесформенную сумку. «Таскаю с собой всякий хлам», – ни к кому не обращаясь, сказала она и с трудом открыла заржавевшую застежку-«молнию» на своей торбе. Затем долго копошилась в ее недрах, выкладывая наружу какие-то тряпицы и баночки. Наконец достала то, что искала: розовый, в белый горошек носовой платок. Смятый лоскуток был мне знаком. Неужели пошла в ход блузка, истлевающая на моих антресолях? Старуха деликатно высморкалась. Зачем эта странница явилась в институтский коридор?

– Вечно этим старикам не сидится дома! – озвучила мою мысль студентка с легкомысленным хвостом. Ее недовольство было определеннее моего.

– Простите, девушки, – старуха обращалась к нам обеим, – не подскажете, где найти профессора А.?

– У нас нет профессора по фамилии А., есть лишь В. и С., – отрывисто и с досадой ответила студентка.

– Профессор А., случайно, не тот студент, который был прозван сокурсниками Леонардо? – неуверенно высказала я догадку.

Я не знала дальнейшей судьбы моего Леонардо, но он был талантлив и вполне мог стать профессором!

В темно-вишневых глазах студентки вспыхнуло недоумение, а блеклые, болотного цвета глаза старухи застыли в напряжении. Она явно пыталась вспомнить что-то известное, но позабытое за давностью лет.

Студентка с хвостом воскликнула:

– Вряд ли Леонардо мог остаться работать в этом институте. Наверняка он женился на пловчихе и уехал. Та девица была из Прибалтики.

– Ничего подобного, милая, – возразила старуха. – С той латышской девушкой у него ничего не вышло. Я не знаю всех обстоятельств, только скажу одно: женился он на другой. – Старуха снова порылась в своей сумке и достала альбом с фотографиями. Туманно-серый групповой снимок был приклеен к первой странице. Вот на этой сокурснице! – Она ткнула заско-рузлым пальцем в белесое пятнышко.

Для меня сообщение старухи не было новостью – слухи о женитьбе Леонардо окольными путями успели дойти до меня. Но стоящая рядом студентка не могла разглядеть свое будущее. Она расстроилась и сразу показалась старше на несколько лет. «Конский» хвост потерял свой задорный вид и уныло обвис за ее спиной.

– А я и не знала, что так будет, – с сожалением, растягивая слова, произнесла девушка. – Выходит, зря я поспешила нынешним летом: отступилась от Леонардо, выскочила замуж за другого, ушла из института.

– Вы всегда так, молодые, – укорила старуха. – Все наскоком, все вам сразу подавай. Не ведаете, что творите, а потом расплачиваетесь.

– А то вы такие умные? – Девушка с обидой поджала губы и присела на подоконник. Сумку старухи она небрежно отодвинула в сторону. Утомленная разговором старая женщина опустилась прямо на пол, у ног студентки. Девушка покачала парящей в воздухе ножкой, почти задевая странницу, и высказала новое соображение: – Если вы, старые, все знаете о жизни, то чего же вы по институтским коридорам бродите? Кого ищете?

Девушка отвернулась от старухи (ответ явно не интересовал ее) и уставилась на меня. Я тоже почувствовала себя нежеланной гостьей в институте, хотя и пришла сюда по делу. Старуха невозмутимо сидела на полу и покачивала головой. Слова девушки ее не обидели.

– Да, милая, прихожу. И ты будешь сюда возвращаться еще долгие годы. А кого я ищу, и сама уже не знаю. Все в моей старой голове перепуталось. То ли студента Леонардо, то ли профессора. Да и с вами двумя я давно не общалась.

Мы с девушкой посмотрели друг на друга. Старуху никто из нас не знал. Зато странница знала и помнила нас, ведь мы были ее юностью и зрелостью. И вещественным доказательством ее связи с нами был розовый, в горошек платочек. Она крепко сжимала его в пегом от старческих веснушек кулаке.

Внезапно около нас остановился представительный мужчина профессорского вида. Он рассеянно спросил:

– Не скажете, милые дамы, какое сегодня число?

Но мы не знали даже, какой был ныне год.

Мы впервые видели эту личность. Седоватый, высокий, слегка располневший. Редкая бородка соломенного оттенка закрывала половину лица. Но его добрые серые глаза показались нам знакомыми – искорки ума привычно играли в них. Леонардо! Мы, все трое, узнали нашего кумира!

Профессор сделал шаг, чтобы продолжить свой путь. Но старуха приподнялась с пола, кокетливо поправила панамку и широко улыбнулась. От улыбки морщины на ее лице прова-лились еще глубже.

– Леонардо, ты меня не узнаешь? – прошамкала она.

Профессор Леонардо равнодушно посмотрел на пожилую особу, которая случайно забрела в этот коридор. Он виновато развел руками. Тогда, заслонив старуху, выступила вперед я. Лицо мое вспыхнуло забытым румянцем.

– Леонардо, ты помнишь, как сделал за меня курсовик? – Недавняя картинка мальчика со свитком в руке вновь ожила. – Курсовой, по начерталке, на первом курсе, – уточнила я.

– Что-то припоминаю, – неопределенно ответил профессор. – Вы пришли теперь за своего сына просить. В какой он группе занимается?

– У меня нет сына. Я думала, ты... вы вспомните меня. Мы вместе учились, но потом я ушла из института...

В глазах Леонардо мелькнул голубоватый свет воспоминаний.

– Да-да, припоминаю. Ваше имя Аля?

– Аня, – тихо поправила я профессора. Он забыл меня или не узнал... Румянец схлынул с моих щек. Наверное, я сильно побледнела.

Старуха, заметив, что я близка к обмороку, подхватила меня под руки. Но разве ее поддержки я ждала? Девушка не обращала на нас внимания. Она, сидя на подоконнике, непроизвольно помахивала ножками. Нейлоновые колготки искрились розоватыми бликами на ее безупречных икрах. Нарядные туфельки едва держались на кончиках пальцев.

Почтенный профессор приосанился и погладил бородку. Мы с Леонардо – ровесники, но что для мужчины сорок! А студентка была так свежа и непосредственна, и прикосновения юности всегда приятны.

Профессор опять с недоумением перевел взгляд на меня: он догадывался, что мы с девушкой как-то связаны. На этот раз тень истинного узнавания оживила его серьезное лицо.

– Аня К.? – Он назвал фамилию, которая в то далекое время была моей.

У меня снова закружилась голова. На этот раз от счастья. Я поняла, что профессор тоже вернулся в свою юность. Я впиалась глазами в его распахнутые зрачки. Но добрый, задумчивый его взгляд был направлен вдаль, мимо меня. И тут же, как в кино, я увидела картины его воспоминаний. Застенчивая Аня – одна из многих студенток, окружающих его в то время. Она была неплохим товарищем по лабораторным работам, но девушку в ней сокурсники не замечали. Мысли Леонардо все глубже уходили в то прекрасное время. Первый курс, наша группа, совместные прогулки до Театральной площади. Теперь рядом с ним, я знала, была чемпионка по плаванию.

Как грустно вспоминать разное!

– Черт побери! Жаль, что она оставила меня, – произнес вслух Леонардо.

И сожалели мы тоже о разном!

Резкий звонок заставил меня очнуться. Рядом не было ни милого Леонардо, ни девушки в розовой блузке, ни старухи в панаме. На подоконнике лежал кем-то забытый, свернутый в трубку чертеж. Я аккуратно развернула плотный ватман. Непонятные черточки, кружочки, зигзаги испещряли белый лист. Трудно было определить, для какого проекта, по какой дисциплине была сплетена паутина тонких линий и загадочных крючков. Мне показалось, что на листе начертаны тайные знаки моей жизни. Если бы я умела прочитать их раньше. Прочитать в том, первом чертеже! Но в институте не учили разбирать запутанный пунктир нашего будущего. Мне предстояло овладеть этим искусством самостоятельно.

Коридор вновь наполнили высыпавшие из аудиторий студенты. Я ускорила шаг, нашла дверь с надписью «Архив», толкнула ее. Здесь мне выдадут справку, выписанную на студентку с легкомысленным хвостом. И я буду перечитывать ее бесконечное число раз!

«Книга перемен»: мои петербургские адреса¹

Автобиографическое

В круге ближнем

Я стала самостоятельно выходить на улицу лет с шести. К тому времени я знала, что живу в Ленинграде, а также запомнила свой адрес: Средняя Подъяческая улица, дом 5, квартира 7. Ныне филологи спорят о написании улицы: «Ъ» или «Ь» перед буквой «я»? Недавно я прошла вдоль всех пятнадцати домов, разглядывая номерные знаки над входными арками, и обнаружила, что спорят уже не только филологи, но и сами знаки. Установленные в разное время, они оспаривают и орфографию – на обновленных в последние годы номерных знаках в названии улицы чаще красуется знак мягкий.

Единоборство букв мистическим образом связано с окружающей средой. Твердокаменный, бесформенный булыжник – им мостила улица во времена моего детства – уступил место гладкому, но подверженному атмосферным воздействиям асфальту – известно, что это покрытие может и трескаться, и плавиться от жары. Попутно замечу, что и угловатые черты моего характера, такие как целеустремленность, граничащая с упрямством, перепады настроения или нетерпимость к людским недостаткам, с годами сглаживались. Я стала ровнее, мягче и терпимее, однако и ранить меня теперь легче, чем прежде. Я как будто впитала в себя тридцатую букву алфавита – «мягкий знак».

Ниже я покажу сакральную взаимосвязь других черт моей личности с изменениями материального мира, но сейчас мне придется обратить ваше внимание на местоположение улицы, на которой я выросла.

Средняя Подъяческая на топографической карте города выглядит хордой – коротким отрезком, стягивающим петлю извилистого канала Грибоедова, самой романтической водной артерии Санкт-Петербурга. Кольчатые чугунные решетки набережной канала с двух сторон как бы обрубает улицу протяженностью менее автобусной остановки. Впрочем, автобусы по ней никогда не ходили.

Поначалу эти решетки обозначали и границы моей свободы – если меня выпускали гулять одну, строго наказывали: дальше улицы ни на шаг! Однако время от времени я нарушала установленные родителями границы. Сейчас речь пойдет не о степени детского непослушания. Я расскажу о том, как, исследуя внешнее пространство, я расширяла внутренний мир. А также о необъяснимом феномене – о том, что расположенные вокруг меня учреждения меняли свои назначения и вывески, синхронно попадая в русло моей жизни. Мое взросление и моя судьба как будто вписывались в «Книгу перемен» – это древнее изобретение китайцев.

На Подъяческой с твердым знаком, мощенной крепкими булыжниками, автомобили появлялись редко и дети играли на проезжей части. Одной из игр была игра «обмен домиками», а домиками становились круглые чугунные крышки над люками. У водящего ребенка своего места не было, его целью было захватить временно опустевший чугунный кружок в тот момент, когда непоседливые хозяева, перебегая из «домика» в «домик», обменивались «жилплощадью». Прочны ли были крышки над люками? Сегодняшним умудренным взглядом я провожу незримую параллель между той игрой и пословицей: «Если хочешь рассмешить Бога – расскажи ему о своих планах». Увы, этот трагический закон постигаешь не сразу.

¹ Заголовок отсылает к китайской «Книге перемен, или Системе И-Цзинь». Согласно ей, моменты жизни каждого человека резонируют с состоянием природных структур.

Берега канала Грибоедова, как и других рек города, одеты в гранит, а сама набережная высоко поднята над поверхностью воды. Зимой вода слегка подмерзает, но лед тонок и слаб, потому что его подмывают теплые сточные воды. Однако для детей было неодолимым искушением проверить прочность буровой наледи, тем более что каменные ступени спуска обрывались у самой кромки подмерзшей воды. Мы с девочками спустились на нижнюю ступеньку лестницы – одна из подружек оказалась смелее всех. Я всего лишь поддерживала ее за руку, когда она ступила на рыхлый лед. Лед треснул, крошась, и нога девочки провалилась, образовав небольшую прорубь. К счастью, в тот же момент или мгновением раньше – у меня всегда была хорошая реакция – я дернула ее руку на себя. Мы обе благополучно упали на каменную площадку, а не в ледяную воду. Сейчас в таких случаях говорят, что спас ангел-хранитель.

Другие уроки, полученные мною на зимней улице, были вполне безопасны.

В середине минувшего века дворники в нашем городе убирали снег вручную, лопатами, сгребая его с тротуаров и мостовой в сугробы. Затем снегом нагружали огромный лист фанеры – к ней, как к саням, привязывалась веревка, – и дворники, в большинстве своем женщины, волокли фанеру со снежной горой вдоль улицы в сторону канала. Здесь лопатой перекидывали снег через решетку, все на тот же непрочный лед.

Частенько дети – числом от трех до пяти – впрягались вместе с любимой дворничихой тетей Катей в импровизированные сани и тащили груженную снегом фанеру, налегая грудью на веревку (помните крестьянских ребятишек с картины Перова «Тройка»?). Зато на обратном пути наша орава гурьбой валилась на холодную, пятнистую от прилипшего снега фанеру, и добрая тетя Катя в одиночку волокла ее. Мы радостно визжали на всю округу.

И так несколько ходок. Вновь снежная гора на фанере – любишь кататься, люби и саночки возить. Эту поговорку я выучила крепче остальных мудрых изречений.

Кристаллики снега, налипшего на варежки и рейтузы, как крупинки счастья, до сей поры сверкают в моей душе.

А вот как я узнала о том, что внутреннее не всегда равнозначно внешнему.

Наша ватага, бегая по улице, любила заглядывать в низкие оконца производственных помещений, потому что окна квартир были занавешены плотными шторами, но, возможно, нам уже дали понять, что в чужие комнаты заглядывать нехорошо. Зато окна всякого рода контор были открыты взглядам прохожих. Ярко освещенные электричеством полуподвалы просматривались насквозь, как залитые светом аквариумы.

Однажды мы обнаружили, что в скромном двухэтажном доме на углу (Средняя Подъяческая, дом номер 1) размещается фабрика по изготовлению клавишных инструментов. До той поры я видела пианино мельком, в комнате у соседей, и оно казалось мне инструментом, похожим на барабан, только барабанчиков – клавиш – было много. Так вот: замерев перед низкими окнами ярко освещенного цеха, вернее, прилипнув любопытными носами к стеклам, мы увидели «раздетое» пианино – без ящика.

Пианино стояли как скелеты без кожи: открытые взору струны, молоточки, деревяшки, обклеенные фетром. Этот цех оказался для меня в сто раз интереснее сломанной игрушки. Очередное открытие: музыкант ударяет по клавишам-барабанчикам, а играют, как выяснилось, молоточки, касающиеся струн.

Через несколько лет, когда я уже ходила в средние классы школы, цех по изготовлению пианино куда-то переместился, а в просторном полуподвале поставили ряды швейных машин. Теперь, заглядывая в низкие окошки, мы видели работниц в почти одинаковых косынках. Они, склонившись над машинками, строчили полотняные бюстгалтеры – здесь расположился филиал швейной фабрики «Трибуна». Эта перемена профиля производства вполне синхронно совпала с годами моего взросления – китайская «Книга перемен» не дремала – в тот период я

как раз начала обращать внимание на нижнее дамское белье. Помню, нас – на тот момент уже одиннадцатилетних девчонок – смешили горы готовой продукции. Чашки лифчиков казались непомерно большими – мы и подумать не могли, что всезнающие Небеса показывают наши будущие размеры.

Дом, стоявший напротив фабричного цеха, фасадом выходил на канал. Выглядел этот красавец по сравнению со своим низкорослым визави настоящим замком. Это был старинный особняк цвета нежной охры с полукруглым эркером, украшающим фасад, с башенкой и шпилем, венчающими крышу, и, должно быть, высоченными потолками – три этажа этого дворца по высоте равнялись пяти обычным. Нарядный парадный вход в четыре дверных полотна, огромные окна, частью завешанные «театральными» волнистыми шторами, железные ворота, тоже всегда наглухо запертые. Это здание и поныне украшает небогатую архитектурными изысками улицу моего детства.

Дотянуться до высокого бельэтажа было невозможно, а соответственно, и увидеть, что происходит за цельными, без переплетов, стеклами! Не помню, была ли вывеска у входа, но все откуда-то знали, что в здании находится секретный институт по судостроению. Секреты в те годы были всюду. И дети тоже знали, что в здании «делают чертежи кораблей».

Я еще не задумывалась всерьез о выборе профессии и примеряла на себя разве что роль учительницы младших классов, но в итоге моя профессия оказалась связана с корабельной наукой. Двадцать лет я изучала морские глубины, прежде чем заглянуть в глубь себя и всецело отдаться литературным трудам. Возможно, этот переход затянулся оттого, что на нашей улице не было книжного магазина, не говоря уже об издательстве.

На другом конце улицы, где номера домов состояли из двух цифр (первая была всегда единицей), в подвале углового дома находилась булочная. Там я училась делать покупки: назвать товар и вес, отдать деньги, получить сдачу, принести хлеб домой. Я застала еще развесную продажу хлеба: отрезанный кусок продавщица клала на тарелку двухчашечных весов – на другую ставила мелкие гири. Горбушка-довесок была моей законной премией и съедалась на обратной дороге к дому.

Примерно в это же время у меня появились первые карманные деньги, сэкономленные на школьных завтраках или утаенные из сдачи. И я стала совершать покупки не «под заказ», а для себя лично – это были дешевые конфеты без фантиков: ириски, леденцы, «подушечки». Когда у меня набиралась мелочь, равная цифре на ценнике – за сто граммов конфет, – я протягивала ее продавщице и получала заветный кулек.

А теперь расскажу о трудностях, связанных с посещением большого магазина, – тогда говорили «гастронома». Он располагался напротив булочной, на проспекте Римского-Корсакова. Во-первых, непросто перебежать проспект с оживленным автомобильным движением (мне было семь или восемь лет). Но все же я как-то приспособилась проскакивать на другую сторону улицы под носом мчащихся машин – отдельное спасибо внимательным водителям! Разумеется, мне категорически запрещалось делать это, никто не посылал меня одну в магазин. Но этот «гастроном» был необыкновенно притягателен для меня, казался чем-то вроде нынешнего супермаркета.

Итак, я входила в зал и сворачивала к стеклянным витринам кондитерского отдела – под ними в стеклянных вазочках возвышались россыпи прежде невиданных мною сладостей: шоколадки и конфеты в красочных плотных фантиках («Мишки», «Белочки» и «Красные Шапочки»). Имелись в ассортименте ириски и соевые батончики, почти такие же, как в булочной, но даже эти простенькие конфеты я купить не могла – ужасали цены! Почему-то все сладости стоили там на порядок дороже. За какие-нибудь «подушечки» (в булочной они стоили 1 рубль 40 копеек) здесь требовалось уплатить 14 рублей. Прошло немало времени, прежде чем

я разобралась, что большая цифра – это стоимость за килограмм, а маленькая – за сто граммов. А научилась переводить «страшные» цены за килограмм в приемлемые за маленький кулек я еще позже: классу к третьему-четвертому. Это было, пожалуй, мое первое практическое применение в жизни школьных знаний. До той поры я боялась спросить продавщицу, сколько конфет могу купить на свои копейки. Замечу, что врожденная стеснительность заставляла меня и в дальнейшей жизни самостоятельно вникать в различные премудрости. Впрочем, среди них оказалось немало полезных!

На этом же конце Подъяческой улицы, где находилась моя первая булочная, начиналась и дорога к храму – только надо было свернуть за другой угол. Дальнейший рассказ придется усложнить двойными названиями, ибо не всем местам посчастливилось, как моей улице, сохранить историческое наименование.

Верующие ходили в церковь через Комсомольский мост и площадь Коммунаров. Этими «убойными» названиями власть пыталась отвести от религии и комсомольцев, и жителей коммуналок. К счастью, выстоял сам храм – небесно-голубой, с золотыми куполами Никольский Морской собор. А теперь, как и до революции, все вернулось на круги своя – люди вновь идут в Никольскую церковь через Харламов мост и Никольскую площадь.

В этом храме – действующих церквей в городе были единицы – моя бабушка окрестила меня в младенчестве, а в дошкольном детстве водила к причастию. Ребенку не требовалось каяться в грехах, и он получал свою ложечку сладкого вина – Кровь Господню – авансом, за свою невинность. Не скажу, что я часто ходила этой дорогой впоследствии. За посещение церкви пионера, тем более комсомольца, могли исключить из общественной организации.

Но любопытные комсомольцы и комсомолки, и я среди них, в ночь Пасхального богослужения, через Комсомольский мост и площадь Коммунаров, шли к церковному садику, чтобы посмотреть крестный ход. Мы забирались на крыши деревянных сараев и оттуда, как с трибун, смотрели на величавое шествие.

На эти же часы в городских кинотеатрах назначали ночные сеансы, чтобы отвлечь молодежь от опасного «религиозного опиума». Демонстрировали завлекательные фильмы с пометкой «Детям до шестнадцати лет смотреть не разрешается». Юность металась в поисках истины, а храм терпеливо ждал...

* * *

Моя первая школа номер 248 находилась в квартале от моего дома на углу Фонарного переулка и канала Грибоедова, в створе Большой Подъяческой улицы. Чтобы попасть в школу, надо было миновать и цех по изготовлению пианино, и секретный корабельный институт. Затем немного пройти вдоль канала и подняться на три ступеньки на Подъяческий пешеходный мостик с дощатым настилом. Дрожание серых досок под ногами – и я на другой стороне.

Привыкать к размеренной казенной жизни было жутковато, но шаткие дощечки выдержали. Все с большей легкостью я перелетала мостик – в этой школе я проучилась восемь лет. Два первых класса школа была женской, мальчики появились в третьем. Моя подружка-второклассница, помню, говорила: «Ни за что не сяду с мальчишкой за одну парту!» Зато в седьмом классе отдельные мальчики вдруг приобрели в моих глазах ореол недостижимой высоты. Я до сих пор помню молчаливого паренька Мишу Евтушенко, главным достоинством которого было то, что он являлся однофамильцем модного тогда поэта. Однако не могу с уверенностью сказать, замечал ли он мои робкие взгляды. Еще выделялся на общем фоне сын известной артистки – Андрюша Люлько. Он держался независимо и дерзко и носил узкие «стиляжьи» брюки. Увы, все это были безответные влюбленности. Вряд ли герои моих грез вспомнят большеглазую девочку с косичками – Галю Краснову (Краснова – моя девичья фамилия). Кстати,

недавно я случайно узнала от общих знакомых, что меня запомнил совсем другой одноклассник, лица которого не вспомнить мне.

Мою первую школу давно закрыли. Ныне в этом здании по каналу Грибоедова, дом номер 83, теснятся важные учреждения: Жилкомсервис Адмиралтейского района и Общественная приемная представителя президента. Когда я бегала в первый класс, был жив еще «вождь народов», а слово «президент» – его я узнала позднее – ассоциировалось со словами «капиталисты», «империалисты» и «американская военщина». Думала ли я тогда, что капитализм придет и на мою улицу! Он пришел туда, когда меня там не стало.

Пешеходного деревянного мостика, по ступенькам которого прыгала пионерка с красным галстуком на шее, давно нет. Наступила эра скоростей и автомобилей, и на месте прежнего шаткого сооружения появился крепкий стальной мост для проезда машин. Я тоже уже не прыгала, и даже пешком стала ходить меньше: поскольку город для меня расширился, я все чаще пользовалась транспортом.

В девятом классе я начала учиться в другой школе, номер 211, потому что вышло хрущевское постановление «О связи школы с жизнью». Эта связь выразилась в том, что большинство средних школ усекли на два старших класса, зато в округе появились укрупненные «политехнические» одиннадцатилетки, нечто вроде училищ-колледжей. В одиннадцатилетках не было малышей – только девятые – одиннадцатые классы, по шесть – восемь штук на потоке. Дважды в неделю обучение ремеслу – я обучалась престижной среди школьников той поры профессии «радиомонтажник».

Теперь я ездила в школу на трамвае до Гороховой улицы (тогда она называлась улицей Дзержинского). Учителя в этой школе были замечательные, среди них много мужчин-фронтовиков. При том, что многие ученики росли без отцов (и я тоже), – фактор немаловажный. Однако дружба с новыми одноклассниками сложилась не сразу: пятнадцать лет – не лучшее время, чтобы заводить новые связи. Чуть раньше или двумя-тремя годами позже – совсем иное дело! А на тот момент масса новых ровесников ошеломила меня, зажала, задавила неумной энергией. Не имея возможности самовыразиться в среде «чужаков», я все чаще выражала себя в стихах и рассказах. Мой переход в эту школу углубил мой интерес к литературе и творчеству.

Почти сразу после получения мною аттестата эксперимент с политехническими школами закончился, и эта школа вновь стала обычной десятилеткой. И – интересный факт: трамвай номер 36 – он довозил меня почти до самой школы – сократил свой маршрут на соответствующий отрезок. Поскольку это был единственный трамвай на Казанской улице (бывшая Плеханова), то и рельсы вскоре сняли. Замечу, что кольцо трамвая было перенесено на мою остановку у Фонарного переулка, и в противоположном направлении дребезжащий вагончик еще несколько лет возил меня в Корабелку, в институт на площади Репина.

А теперь немного о том, как я поняла, что живу в самом центре красивейшего из городов мира. Среди трех мостиков, выводящих меня в большой мир, особенное место занимал Львиный – в створе Малой Подъяческой улицы. Четыре льва, поджав хвосты, до сих пор восседают на четырех его углах. Они держат в пасти железные ванты, на которых мостик будто качается. Но это кажется – мост твердо стоит на своих опорах. Это мой самый любимый мостик – он вел меня в приятные места развлечений. Через него я попадала на Театральную площадь, там впервые увидела балет – «Щелкунчик» Чайковского в Кировском театре. Там же находился ныне уже снесенный Дворец культуры первой пятилетки – какое-то время я ходила в кружок декламации.

Но я благодарю Бога за то, что сохранился мой Львиный мостик. В те свои детские зимы, когда я еще каталась на санках, я ежедневно пробегала этим мостиком, чтобы попасть в Сол-

датский садик, – там имелась большая гора (вероятно, засыпанное грунтом бомбоубежище). Находится этот садик на заднем дворе Юсуповского дворца, тогда дворец был известен нам как Дом учителя. В межсезонье, уже без санок, дети исследовали прилегающие к садику места. Имелись там царственные решетчатые ворота, всегда закрытые, через которые можно было попасть в главный двор Юсуповского дворца. Благодаря нашей детской миниатюрности это не составляло проблемы – девочки просачивались между прутьями решетки, как намыленные, и оказывались там, где быть запрещалось. Однако я не помню, чтобы нас прогоняли с «княжеского» двора. А однажды, зайдя через неказистые служебные двери внутрь дворца, мы с подружкой миновали нарядный вестибюль, вышли с противоположной стороны через парадный подъезд – и оказались на загадочной красивой набережной реки Мойки.

Мир для меня не просто раздвинулся, а взорвался! Я волшебным образом попала внутрь открытки с видами города: Исаакиевская площадь, Медный всадник и, наконец, бескрайняя ширь Невы, одетой в гранит. Эти чудные места я не смею присваивать: они принадлежат всем. Но и мне тоже. Они остались почти такими, как тогда, но в них навсегда прописалось детское изумление красотой.

Далее – везде

Я закончила Корабелку – главное здание института находилось на Лоцманской улице, в историческом районе, получившем название Коломна. Географически это место примыкает к моему родному району, а за ним и вовсе город заканчивается – далее простирается гладь Финского залива. На залив я смотрела со стапеля Адмиралтейского завода, где проходила практику. Впереди, за горизонтом, простиралась вся жизнь, но то, что находится за линией, отделяющей небо от земли, со стапеля не увидишь – надо выходить в море. Вооружившись лоцманскими картами – знаниями, полученными в институте, – я вышла в большую жизнь.

Одновременно случился и второй любопытный казус, связанный с моим трамваем. Когда я перестала ездить на нем в институт, из нашего микрорайона трамвай убрали вообще (маршрут и рельсы на участке «Театральная площадь – Фонарный переулок» сняли в семидесятых годах).

Уже много лет я живу у Московского парка Победы. Но прежде чем описать, каким мистическим образом развиваются наши отношения с этим местом, завершу историю моих Подъяческих.

Эпизодически мне приходится бывать в местах, где прошли мои детские и юношеские годы. С удивлением наблюдаю, как старые учреждения «подстраиваются» под мои новые потребности, хотя я давно не живу здесь.

В девяностых годах стали открываться всевозможные центры духовных знаний. И я записалась в один из них, прослушала курс лекций экстрасенсорики и парапсихологии – предметы, прежде недоступные по идеологическим соображениям. Лекции читались (не поверите!) в доме номер 1 по Средней Подъяческой улице. Здесь и ныне находится Гуманитарный центр.

В том здании, где когда-то собирали пианино, а позднее работницы шили лифчики, теперь читал лекции питерский исследователь в области экстрасенсорного восприятия – физик Вадим Поляков. Впервые я услышала о том, что мысли материальны и, следовательно, могут быть зафиксированы прибором. И убедилась на опытах, что металлическая рамка – неплохой инструмент как для поиска подземных источников воды, так и для оценки состояния среды. А понятия «биополе», «интуиция», «подсознание» подтолкнули меня впоследствии к изучению психоанализа.

В старинный особняк напротив Гуманитарного центра тоже нынче вселились новые организации (судостроительное бюро закрыли примерно в то время, когда и я перестала заниматься корабельными науками). Читаю таблички: «Инвестиционная палата», «Центр ресурсов администрации Санкт-Петербурга». Пока не приложу ума, как связать это с моей жизнью, о каких ресурсах идет речь, финансовые мне пока не светят. И только творческое вдохновение может сослужить для меня роль инвестиций.

Когда я переехала к парку Победы, облако эзотерических связей продолжало кружить надо мной. В середине семидесятых, когда я поселилась там, я обнаружила, что напротив моих окон, прямо в парке, находится скромное двухэтажное здание – в нем размещался родильный дом. Через год с небольшим я родила в этом роддоме замечательную девочку. А еще через несколько месяцев этот роддом был закрыт, а в здание переехали органы управления – мне к тому времени предстояло оформлять дочку в ясли...

И другие приятные мелочи украшали мою жизнь. Так, площадка аттракционов парка находилась почти напротив дома: пока дети маленькие – это благо. Они с удовольствием бежали в павильон кривых зеркал, чтобы посмотреть на себя в новом облике. Им ведь предстояло в жизни примерить на себя множество разных ролей. Карусели, качели – тоже хорошо! Но знали бы вы, какой шум, какая громкая музыка сопровождала это веселье! К счастью, едва мои детишки повзрослели, площадку развлечений перенесли в дальний угол парка. Там гремящие децибелы уже не мешали никому, поскольку поблизости вообще не было жилых домов.

Многое осталось позади: учеба, работа в ЦНИИ, бессонные ночи над детскими кроватками, уход за престарелой матерью. Да и у самой появились проблемы со здоровьем. Изменилось ли что-то вокруг? А как же! Двухэтажный домик в парке, окруженный старыми липами, где я четверть века назад родила дочку, вновь распахнул свои двери для пациентов. Но теперь – не поверите – здесь открылась кардиоклиника. И однажды я оказалась в палате, едва ли не той самой, где когда-то лежала с другими молодыми мамочками – вид из окна подтверждал это. Но теперь рядом со мной не было говорливых соседок – лишь красочные офорты на нежно-персиковой стене приковывали мой взгляд. Их лечебный эффект был выше любых процедур.

Я описала не все места, претерпевшие странные превращения, поскольку их география слишком широка. Ведь судьба закидывала и в другие районы, и даже – в другие края. Опишу лишь один казус, подтолкнувший меня к этому эссе.

И опять перенесусь в свое детство. Моя мама, работавшая стоматологом, была командирована горздравом на работу в город Выборг, на довольно длительное время. Мне было в то время лет пять, и ей пришлось взять меня с собой и устроить в детский садик. Я проходила в него месяца три, потом, как водится, заболела, но запомнила место хорошо – ведь это был единственный садик, который мне довелось посещать в своей жизни, – в основном меня воспитывала дома моя ленинградская бабушка.

Спустя полвека я, на подходе к пенсионному возрасту, приехала снова в Выборг: посмотреть город, пройти по старым улочкам. Быстро нашла наш многоэтажный дом на улице Ленина – он тоже находился напротив парка. Помню, как мама водила меня в детский сад: прямо-прямо и за угол, по периметру зеленого массива. Я иду по знакомой дорожке – какой цепкой оказалась детская память, – заворачиваю направо, еще чуть-чуть, и вот он, мой бывший детский сад. Только над знакомой дверью совсем иная табличка: «Отдел социального обеспечения».

Чудесные превращения подобного рода не только попадали в резонанс событиям моей жизни, но в большинстве своем облегчали ее. Однако с недавних пор что-то сломалось в отлаженном механизме синхронии или закономерность усложнилась. Во дворе моего дома, в

порядке «уплотнения», вознесся к небу многоквартирный дом. Злосчастная высотка застит свет в кухонном оконце, и, чтобы не расстраиваться по этому поводу, я стала реже заглядывать в кухню. Но может, так и надо? Мои поварские обязанности теперь минимальны, потому что родные «пташки» свили собственные гнездышки, – в кухне мне делать почти нечего. Лучше останусь в комнате, за письменным столом, в ожидании белой стаи новых мыслей. Я устремляю взгляд мимо компьютера, за окно – вид отсюда чудесен: убегающий вдаль проспект смыкается одной стороной с парком, кроны деревьев над ажурной оградой, а еще выше, над деревьями, – вольное небо!

Еще один шанс ***Повести и рассказы***

Еще один шанс (повесть)

1

В купе поезда дальнего следования я оказалась одна. В это время года, на исходе осени, люди предпочитают сидеть дома, но мое путешествие было вынужденным. Оскверненная любовь, порушенная семья, разбитая жизнь – все это, вместе взятое, подтолкнуло меня в дорогу. Куда я еду? Зачем? Колеса вагона ритмично постукивают на стыках рельсов: «Од-на, од-на, одна-на-на». На столике лежал прозрачный контейнер с завтраком – обслуживание в пути было на высоте, но есть мне не хотелось.

Я сидела у столика, и мой единственный друг, старый чемодан из натуральной кожи, слегка ударялся о колени. Надо бы убрать его в рундук, но удобнее, когда все под рукой. Да и лежит в нем одно барахло. Унесут и ладно. Теперь, когда вся жизнь полетела под откос, время ли думать о таких мелочах? Развела в стороны фирменные занавесочки на окне, но за окном нависла непроглядная ночь. В темном стекле отражалось мое собственное лицо, и на нем пугающе чернели глаза, нарисованные ночным туманом. Вообще-то глаза у меня слегка разные по цвету: один карий, другой зеленоватый. В юности я стеснялась этого несоответствия, однако мужчины находили в нем определенное очарование. Стоп. О мужчинах я запрещаю себе думать. Лучше немного почитаю.

Я достала из чемодана купленную на вокзале книжку «Мифы Древней Греции» – специально выбрала сказки, чтобы отвлечься, – вытянулась на полке и погрузилась в чтение. Пролистала несколько страниц, но думы о собственной жизни неумолимо вытесняли похождения мифических героев. Мысль о неправильно сделанном двадцать лет назад выборе не давала мне покоя. Я связала свою жизнь с этим негодяем, когда вокруг было столько хороших парней. И ведь все тоже началось в дороге. Тот поезд не был ни фирменным, ни скорым. Это сейчас я еду с комфортом, но одна. А тогда в переполненном плацкартном вагоне вокруг меня кипела жизнь.

* * *

Я впервые еду в поезде дальнего следования, хотя уже взрослая девочка – закончила второй курс института. Нам подали дополнительный состав с плохо убранными вагонами и неисправными форточками, но в разгар сезона и этот поезд брали штурмом. Мое место – на верхней полке.

Поначалу я чувствовала себя неуютно от столь близкого соседства с посторонними людьми и затаилась на своем месте. Прежде я проводила каникулы на даче у бабушки с дедушкой – там простор и свобода. Хотя и на даче, и дома я всегда оставалась под строгим надзором. Мама требовала, чтобы я возвращалась домой не позже одиннадцати, знакомила ее со своими друзьями и прочее, прочее. Поэтому я сидела дома, и мальчиков у меня тоже не было. Да и кто обратил бы внимание на меня, незаметную мышку с хвостиком на затылке и выпуклым прыщавым лбом, даже не прикрытым челкой. Только когда кому-то были нужны конспекты, вспоминали обо мне. Хорошо, что у меня появилась хоть одна подруга – с ней вместе мы

готовились к семинарам. Именно эта девочка, чьи родители живут у моря, и пригласила меня к себе.

Я прижалась спиной к стенке вагона и сверху поглядывала на своих попутчиков. На меня же никто внимания не обращал – лишь иногда вскинет взгляд в мою сторону чудакотая тетя без возраста, сидящая внизу напротив. В ее облике мне виделась полная отстраненность: занята своим делом – как поезд тронулся, так и перебирает безостановочно спицами. Спину держит прямо, лишь голову слегка склонила над вязаньем, волосы, присобранные лентой, убраны назад. Светло-серое с глубоким вырезом платье, почти до пят. Из-под кромки подола видны ступни босых натруженных ног. Она что, не соображает? Ведь на полу – сор и крошки. Разгильдяй проводник только вид сделал, что подмел.

Пожилой мужчина, на полке под моей, видимо, задремал у окна – никаких движений. При посадке он помог мне убрать чемодан на багажную полку, но разговаривать нам было не о чем. Выглядел он простовато-деревенски: белая в полоску рубашка застегнута на все пуговицы, но галстука под воротником нет. Темный старомодный пиджак он сразу снял и повесил на вешалку. Вот он зашевелился, достал книгу, выложил на столик, склонился над ней – розоватая плешь светится сквозь редкие, гладко зачесанные волосы. Трудно себе представить более скучную внешность. Этот мужик был похож на военрука в нашем институте. Может, он сельский учитель?

Место на второй полке напротив пустовало уже второй час, и я, признаться, об этом жалела... При посадке шикарный парень обалденного, как у баскетболиста, роста забросил на свою полку какие-то мешки и коробки и сразу исчез. Где же он, думала я.

Тощий паренек-проводник, небрежно брэнча стаканами, снова остановился у нашего купе. Поезд кинуло в сторону, и кипяток пролился на мою голую, как и у вязальщицы, пятку, торчащую в проходе. Я ойкнула, вытаращив глаза от испуга, и подтянула под себя ногу. Парень со стаканами замер, видно испугавшись моего вскрика, но даже не извинился, невежа. Нам не слишком повезло с этим оболтусом: летом в проводники берут кого попало. Сделав еще шаг, он поставил стаканы на матово-коричневый столик и повернулся к тем, кто ехал на боковых местах. Похожий на сельского учителя пассажир стал раскладывать рядом со стаканами свои припасы. Но тетка с вязаньем не прервала своей работы, а лишь подкатила поближе к себе клубки разноцветного шелка. Впервые я видела, чтоб вязали не из шерсти. Мне не хотелось распивать чай в компании со старым занудой, и я осталась лежать на своей верхней полке. Но тут в наше купе влетел до сей поры отсутствующий «баскетболист» и тоном, не терпящим возражений, приказал проводнику:

– Постой, друг, поставь еще два стакана. Чай с лимоном для меня и для девочки. – Он кивнул в мою сторону.

Я быстро соскочила вниз. Пристроилась рядом с «баскетболистом», оттеснив вязальщицу на самый край полки. Она безропотно потеснилась. «Учитель» быстро выпил свой чай и куда-то вышел. А я достала припасы, заботливо приготовленные мне в дорогу мамой, и мы стали уминать их с «баскетболистом», запивая душистым чаем. Мне не приходилось задумываться, о чем говорить с моим красивым попутчиком. Он без умолку болтал сам. Оказалось, он и впрямь спортсмен, правда, занимается не баскетболом, а греблей на шлюпках. А сейчас едет с товарищами на летние сборы, в то же местечко на берегу моря, что и я. Но билетов в один вагон им не хватило, и мой спортсмен оказался вдали от своей команды, в нашем купе. «Однако это чудненько, – сказал он, обращаясь ко мне. – Здесь мне будет повеселее, а то у нас ведь одни мужики. А ты, как майская розочка, подарок судьбы». Сейчас меня покорило бы от такого пошлого сравнения, но тогда... Я впервые слышала комплимент в свой адрес. Мое лицо запыхало смущенным румянцем. Затем мой спортсмен покопался в своей поклаже и вытащил из чехла гитару. Лирический перезвон струн окончательно растопил мою скованность. Я стала подпевать спортсмену.

Может, это кому-то покажется странным, но я не только ехала одна впервые в поезде, но и впервые сидела рядом с человеком, играющим на гитаре. Ведь на институтские вечеринки я не ходила. Не передать словами, как велика разница между исполнителем, увиденным в рамке телеэкрана, и человеком, перебирающим струны у тебя на глазах. Его длинные пальцы, мечтательно прикрытые глаза, хриловатый, задушевный голос... Бойкий спортсмен превратился для меня в артиста, человека, понимающего мою душу. Звучащие слова любви не были для меня просто текстом песни – то были признания, адресованные лично мне. Когда спортсмен невзначай коснулся своим коленом моего, я почувствовала ожог, но не отодвинулась. Теперь мы были одно: широкоплечий статный парень и я, шуплая девчонка, почти подросток. И сила этого человека подчинялась мне!

Сельчанин похрапывал, глаза чудаковатой дамы с вязаньем были обращены к потолку, губы ее шевелились, подсчитывая петли. Но мы со спортсменом и не стеснялись ничьих взглядов – кроме нас двоих, никого теперь не существовало в целом мире. Когда мелькающие за окном поезда картинки стали погружаться в сумеречную темноту, спортсмен встал. Он взял меня за руку и повел по узкому проходу в другой вагон, где ехали его друзья. Толчки вагона на стыках рельсов бросали меня от стенки к стенке, но я, не чуя под собой ног, шла за спортсменом.

Новый друг представил меня своей команде, ребята потеснились и дружелюбно приняли в свой круг. Меня окружала восьмерка парней. В Институте культуры учились почти сплошь девочки, красотки-искусствоведы. Среди них я терялась, так как красавицей себя не считала. Но здесь... Когда парни то в шутку, то всерьез осыпают тебя комплиментами, становишься пьяной без вина. Однако и бутылка ходила по кругу. Кто-то пил прямо из горлышка, но мне налили в чайный стакан, и никогда я не пила ничего вкуснее, чем этот дешевый портвейн. Разумеется, к своим восемнадцати годам я уже пробовала вино, однако всегда в приличной обстановке, под закуску и под присмотром мамы. Но сейчас все было гораздо интереснее. Мамы рядом не было, голова кружилась все сильнее, тело наливалось приятным теплом. На сей раз вместо мамы меня остановил спортсмен. «Стоп, с нее хватит, – сказал он, когда я уронила голову на его плечо, – не люблю пьяных женщин!»

Я же была в том состоянии, когда с равной готовностью выпила бы еще вина или прильнула бы к груди сидящего рядом спортсмена. Случилось второе. Не обращая внимания на остальных ребят, мы с моим новым другом соединились в долгом поцелуе. Я отпрянула лишь тогда, когда ощутила, как его ладонь гладит мое бедро, все выше сдвигая подол платья. На миг мне показалось, что не тусклый свет лампы, а взгляд мамы устремлен на нас с потолка вагона. Этот взгляд заставил меня отодвинуться и одернуть подол.

Двое суток я удерживала бастион своей невинности под неявным надзором мамы. Но утром третьего дня я не смогла найти в веселом купе свои трусики, и больше мама не беспокоила меня. Я не поехала на квартиру подруги, адрес которой лежал у меня в сумочке. Я поселилась вместе со спортсменом в палатке, раскинутой на диком пляже, и стала его женщиной. Тренер команды сквозь пальцы смотрел на эти вольности, похоже, эти сборы были у ребят вместо каникул.

Маме я отбила чинную телеграмму, что доехала благополучно и что мы с подружкой ходим на море, загораем, читаем книжки. Через несколько дней я навестила свою однокурсницу и попросила ее прикрыть меня, если мама вздумает написать ей сама.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.